
Рассвет
на ладони

Леди Бомбастик

Рассвет на ладони

«Автор»
2026

Бомбастик Л.

Рассвет на ладони / Л. Бомбастик — «Автор», 2026

Двадцать лет назад шестой колокол Ферна дал трещину и замолчал. Теперь рассвет не приходит вовсе, а тьма ползёт на деревни.Веста, дочь литейщика, знает одно: старая колыбельная, которую отец напевал над горном, заставляет тени замирать. В тайнике под наковальней она находит медную лампу с ворчливым духом, который не помнит собственного имени, и записку с именем старой звонарки из Торжка. Отец пропал неделю назад.Дорога ведёт Весту через Мглистые топи, к людям, живущим во тьме, и к человеку, который двадцать лет назад сам расколол колокол. Проводник Кай Рудин шутит, хромает и скрывает, на кого работает. Верховный Смотритель обещает всё: отца, безопасность близких, порядок. Цена одна: новый язык для колокола.Чтобы вернуть миру рассвет, Весте придётся отдать то, что у неё на ладони.Приключенческое фэнтези о цене звука, предательстве и выборе.

© Бомбастик Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1 6
Конец ознакомительного фрагмента. 8

Леди Бомбастик
Рассвет на ладони

ГЛАВА 1

Веста проснулась от тишины.

Двадцать лет подряд Ферн начинал день одинаково: из-за холмов, с башни на Бродах, накатывал низкий гул, от которого дрожала вода в кружке и ныли зубы, а следом серело небо. Сегодня вода в кружке стояла как стекло, а за окном было так же черно, как в полночь.

Она села на лежанке и нашарила сапоги. Правая ладонь саднила. Шрам всегда ныл перед бедой, будто знал о ней раньше хозяйки. За печью стояла отцовская лежанка, и одеяло на ней лежало так, как он оставил его неделю назад: ровно, без единой вмятины.

— Скажи, что ушёл за глиной и застрял, — попросила Веста пустую комнату.

Комната промолчала, как молчала семь дней.

На площади было людно и тихо. Так молчат люди, которые боятся заговорить в полный голос. Сухая Мельница насчитывала два десятка дворов, колодец, кузню и мельницу без реки, давшую селу имя. Посреди площади на столбе висел фонарь со светильным камнем. Обычно камень горел молочно-белым светом, от которого тени шарахались прочь. Сейчас он тлел гнилой желтизной и с каждым вздохом мутнел сильнее.

— С башни, видать, не позвонили, — гудел староста Ефрем, оглаживая бороду. — Звонарь на Бродах перепил.

— Звонарь на Бродах третий год в рот не берёт. А камень гаснет.

— Тебя не спрашивали, Орлова.

— Меня и не надо. Ты на фонарь посмотри, Ефрем.

Он посмотрел, и борода у него перестала ходить ходуном.

Крик раздался с дальнего края села, сорванный, женский:

— Тимка! Тимка, где ты?

Веста узнала голос торговки Доры, а потом увидела мальчика. Пятилетний Тимка стоял босиком на жнивье за околицей, в сотне шагов, и шёл туда, где поле обрывалось в чернильную стену. Шёл ровно, как во сне. А ему навстречу по земле стелилось нечто вроде лужи тёмной воды, только лужи не текут в гору.

Она сдёрнула с пояса Ефрема дорожный фонарик. Камень в нём был с ноготь, но ещё держал свет.

— Эй! Орлова!

Веста уже бежала. Стерня хлестала по голеням, воздух пах холодным железом, как в литейной перед заливкой. Тень приподнялась, когда до мальчика оставалось шагов десять. У неё не было лица, зато была полоса пустоты там, где у людей рот, и эта пустота медленно раскрывалась.

Крохотный камень освещал полшага вокруг. Веста вбежала в эти полшага, схватила Тимку за рубаху и дёрнула на себя. Мальчик не закричал. Он смотрел мимо неё остекленевшими глазами, и это было страшнее любого крика.

Что-то мокрое и ледяное обвило её щиколотку, как простыня зимой. Нога онемела до колена. Веста поняла, что сейчас упадёт, и тогда они останутся тут оба.

И она запела. Не думая, не выбирая слов, голосом, севшим от страха. Это была отцовская колыбельная, которую он всегда мурлыкал над горном, когда заливал металл: три долгих удара, два коротких, снова три. Она пела её с тех пор, как себя помнила, и ни разу не слышала, чтобы кто-то ещё знал эту мелодию.

Тень замерла. Она вслушивалась, как пёс, которому знакомым голосом отдали чужую команду. Хватка на щиколотке ослабла.

Веста попятилась с мальчиком на руках, не переставая петь, шаг за шагом, пока под сапогом не оказалась межа. Дальше тень не пошла. Тогда она оборвала мелодию на полуслове,

и тварь рванулась вперёд, но Веста уже перелетела через плетень и рухнула в пыль, прижимая к себе Тимку.

Дора вырвала сына у неё из рук и заревела в голос. Ефрем стоял бледный, с протянутой рукой за своим фонариком.

— Что ты пела? — спросил он тихо.

— Не знаю. Отцовское.

Она смотрела на ладонь. Шрам горел.

Смотрители пришли, когда на площади разожгли костры. Шесть всадников в серых плащах с медным колокольчиком на груди, и наконечники их копий были оправлены светильными камнями. Камни горели ровно и белоснежно, как в день, когда их вынули из руды. Веста отметила это и ничего не сказала.

Старший спешился первым: сухой, жердеобразный, с лицом человека, привыкшего извиняться за чужую глупость.

— Брат-смотритель Лукиан Шор, — представился он. — Прошу прощения за беспокойство. У меня есть решение Совета Ордена, и оно касается Мартина Орлова, литейщика.

Он развернул бумагу и прочёл ровно, не повышая голоса. Мартин Орлов объявлялся изменником Ордена и воровством колокольной бронзы, пропавшей из мастерской при Торжокской звоннице. Литейная в Сухой Мельнице подлежала обыску. Всякий, кто укрывал изменника, делил с ним вину.

— Он не вор, — сказала Веста.

— Я бы с радостью поверил, сударыня. — Лукиан скользнул по ней взглядом и задержался на её руке. — Вы дочь?

— Дочь.

— Тогда вы покажете мне литейную.

Обыск продолжался до темноты. Смотрители переворачивали формы, вскрывали бочки с песком, простукивали стены. Веста ходила следом, стиснув зубы. Один из гвардейцев ударил по наковальне молотком, она ответила глухим, плоским звоном, и Лукиан поморщился, будто от зубной боли.

— Железо как железо, — сказал гвардеец.

— Оставьте двоих у ворот, — велел Лукиан. — Мы вернёмся. Вам повезло, сударыня, что я тороплюсь. Не вздумайте уходить далеко.

Они уехали вместе со своим белым светом. В селе стало темно, как в мешке.

Веста дождалась, пока двое у ворот перестанут шептаться и захрапят у костра. Тогда она прокралась в литейную, зажгла огарок свечи и села перед наковальней, как делала в детстве, когда отец уходил на ярмарку.

Перед отъездом он всегда бил по наковальне молотком: три долгих, два коротких. Говорил, что это чтобы дом помнил хозяина. Веста взяла его молоток и ударила: три, два, три.

Звон был не тот, что при обыске. Звук стал глубже, с пустотой внутри, и наковальня чуть сдвинулась на колоде. Под ней нашлась ниша, а в нише лежал свёрток, обмотанный промасленной тряпкой.

В свёртке была лампа. Старая, медная, с оббитым боком и без камня, с одним лишь фитилём. И записка, написанная отцовской рукой:

«Веста. Хельга в Торжке. Лампу береги и не зажигай при чужих. Прости. М.»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.